под №№ 3, 36, 40—44, 104, 119); некоторые места он вообще не понял, так что отдельные афоризмы либо изменили смысл, либо вообще его утратили (ср. №№ 9, 20, 26, 27, 65, 68, 72, 78, 83, 84, 91 русской версии). Ошибки заметны и в передаче терминологии и реалий. Например, польское слово «łochy» переведено как «ествы» (№ 9), «gospoda» — как «домостроительство» (№ 72), «uroda bez choty» — как «дорожный без искусства» (№ 94), «z czerstwości» — как «от изрядных слов» (№ 69). Следует, однако, подчеркнуть, что в русском тексте для передачи реалий и терминологии почти не используются полонизмы. Выражения типа «боронити» (№ 109), «чинится» (№ 81), «лгачь» (№ 96), «полевание» (№ 57) для языка той эпохи в разряд полонизмов зачислены быть не могут. К этой стилистической категории следует отнести слова «пивничий» (№ 106, «szafarz»), «належит» (№ 112), «финдриганция» (№ 118), «делен», «дельность» (№№ 5, 37), но их сравнительно немного.

Таким образом, древнерусская версия в основном сохраняет содержательно-тематические моменты афористики Жабчыца; в то же время — и это очень важно — переводчик пытается придать ей национальный колорит. Один из принципов его работы — устранение инонациональных реалий. «Prusak w radzie» превращается у него в «дурня» (№ 11), «Łotr masztelarz» — в «конюха пьяницу» (№ 20); слово «ruśnica» передано как «пищаль» (№ 62), «urzędnik» — как «прикащик» (№ 79), «hetman» — как «воевода» (№ 37); выражению «chować żyto na targ do Wisły» в русском тексте соответствует фраза «хлеб осмотрясь перед новым продавай» (№ 88). Лишь один раз переводчик проявляет непоследовательность, говоря о «жителе Речи Посполитой» (№ 53).

Стоит упомянуть также, что он выбрасывает ссылки и намеки на «девушек и женщин» («panien i białogłów»); «dobra myśl bez panien» у него переведено как «беседа без людей» (№ 10), «panna ochędostwem» — как «старик в красном наряде» (№ 12), «białogłowa nabożna» — как «человек молящийся» (№ 90). Афоризм 41—42 оригинала, содержащий не совсем пристойную параллель «białogłowa»—«koń» и проникнутый грубоватым юмором, в переводе вообще искажен. Зато в одном случае переводчик не только сохраняет, но и усиливает аналогичный афоризм, заменяя слово «żak» («школяр») в выражении «żaka do żony nie przytykaj» словом «чернец», который «у мудрой жены честь, у ласковой денег, у глупой что хощет выпросить может» (№ 74).

Главное достижение переводчика в том, что он, несмотря на отмеченные ошибки и трудности, сумел для большинства афоризмов найти или создать русские адекваты, переадресовав текст Жабчыца иной культурной среде, со своими обычаями и нравами. Можно умножить примеры и добросовестного, даже буквального перевода, и оригинальной творческой адаптации, когда, сохраняя основной смысл оригинала, переводчик предлагает иную словесную форму, которая в некоторых случаях создает больший эффект, чем польский текст (см. №№ 23, 24, 27, 35, 58, 62, 66—67, 70, 73, 76, 85, 87, 89, 99, 116 в издании Симони). Приведем для иллюстрации хотя бы два примера (№№ 89 и 99):

Должен всяк быти:
В церкви богобоязлив, в совете мудр, на конс яко воин, в беседе
как трезвая дева (стр. 40).

Путь продолжает:
Воз неисправной, возница пьяной, выезд с вечера (стр. 42).

Если учесть различные аспекты работы анонимного переводчика, то общая оценка его труда должна быть положительной. Ценность этого пере-